

Сектор D-12, выполнявший на космическом корабле «Аврора» роль столовой, занимал около пятидесяти квадратных метров. Металлическую обшивку его стен прорезали квадратные иллюминаторы из кристалла Туаой. Сквозь их мягкое изумрудное свечение можно было любоваться величественной бездной космоса и мерцанием далеких звезд.

Строгий военный устав обязывал каждого члена экипажа явиться сюда ровно к семи часам утра. Отдав рапорт непосредственному начальству, офицеры и солдаты выстраивались в очередь у автоматического раздатчика, соединенного с камбузом, чтобы получить свой космический завтрак.

Хань Цзин уже дослужился до звания генерал-майора и командовал небольшим подразделением. Пересчитав подчиненных и забирая свой паек, он огляделся. Морис сидел у одного из иллюминаторов; напротив него расположились двое генерал-лейтенантов, о чем-то вполголоса беседуя.

Без прямого приглашения Мориса садиться рядом не стоило — Хань Цзин понимал, что его скромная выслуга лет пока не позволяла пренебрегать армейским этикетом перед другими офицерами.

При мысли о чиновничьем формализме Федерального правительства он лишь мысленно вздохнул. Заметив, что ему машет Роджер, генерал-майор ободряюще улыбнулся старшему сокурснику и направился в противоположную от командующего сторону.

Роджер оставался верен себе: болтал без умолку, да и темы выбирал довольно занятные. Однако Хань Цзин слушал вполоборота. Его мысли то и дело возвращались к сидевшему в отдалении Морису. Он украдкой наблюдал за супругом, отвечая невпопад и лишь вежливо поддакивая.

Каждый рацион космического питания составлялся диетологами и был идеально сбалансирован. Единственный его недостаток заключался в полном отсутствии вкуса. Для Мориса, который находился на раннем сроке беременности и страдал от токсикоза и капризов в еде, эта пища была настоящей пыткой. Ему приходилось буквально заставлять себя проглатывать каждую ложку.

Роджер легонько толкнул друга в бок. Изучая данные на мерцающем голографическом экране, он заговорщицки зашептал с наигранной иронией:

— Да перестань ты уже на него пялиться! С самого утра глаз неводишь, украдкой косишься. Смотри, а то зрачки выпадут!

Хань Цзину пришлось стряхнуть наваждение. В этот момент над рабочим сектором D-18 вновь разнесся тихий, мелодичный голос бортового транслятора:

— Внимание. Текущее время — восемь часов ровно по земному стандарту. Координаты

позиционирования: сектор 2180xs, триста девятая долгота и широта.

— До прибытия на Базу на Юпитере остается тридцать тысяч километров. Расчетное время до стыковки — сорок шесть минут.

Вполуха слушая объявление, Хань Цзин снова, повинувшись непреодолимому порыву, скользнул взглядом в сторону Мориса. Тот сейчас выглядел как истинный правитель — холодное, безупречное лицо, властный жест, указывающий на данные в планшете. Морис отдавал приказы подчиненным. Строгий генеральский мундир и ледяной тон делали его образ невероятно суровым, почти недостижимым.

Было трудно поверить, что этот грозный командующий и тот нежный, незащищенный Морис, который еще сегодня утром засыпал в его объятиях, — один и тот же человек.

Справившись с волнением, Хань Цзин заставил себя сосредоточиться и углубился в обсуждение символов Атлантиды с Роджером. Сейчас он занимался не только чистой математикой — значительная часть его работы сместилась в сторону изучения внеземных цивилизаций и их письменности. Лингвистическое наследие Атлантиды оставалось главной и самой желанной целью для Федерального правительства.

Загадочные события миссии SG-I на Нордике открыли перед Хань Цжином безграничные перспективы. Если не считать самого Мориса и сирены Симо с планеты Камера, никто во Вселенной не понимал устройство этой древней цивилизации лучше него — цивилизации, чье величие преодолело миллионы световых лет.

Возможно, человечество еще даже не прикоснулось к подлинным глубинам этого древнего океана знаний, но даже тех крох информации, которыми обладал молодой офицер, хватило, чтобы привлечь пристальное внимание руководства Федерации. За четыре коротких года Хань Цзина трижды повышали в звании вне очереди, и теперь он стоял на одной ступени с Роджером.

Роджер посмотрел на экран, где Хань Цзин без труда расшифровал очередную строчку древних символов, и театрально вздохнул:

— Какая вопиющая несправедливость! Я отдал этим исследованиям лучшие годы жизни, а теперь ты, выскочка, лишаешь меня, дипломированного эксперта по древним языкам, последнего куска хлеба!

— Если так пойдет и дальше, меня просто вышвырнут на улицу. Скажи на милость, ты будешь содержать мою семью, когда я стану безработным? — в его голосе сквозила притворная обида, смешанная с искренним восхищением.

Хань Цзин снисходительно улыбнулся на ворчание старшего товарища:

— Я всего лишь хорошо изучил письменность Нордика. Кто же знал, что она обнаружит столь тесную связь с древними, давно утерянными языками земных цивилизаций? Будто у них общий корень.

— В этом нет ничего удивительного, — Роджер посерьезнел. — Разве Симо не рассказывал, что Альтеран когда-то был творцом в их мире? А затем он ушел на самый край Вселенной, в безжизненный Млечный Путь, и сотворил наших предков.

— Получается, за истоками обоих миров стоит один и тот же создатель. Вполне логично, что в основе их древнейших языков лежат одни и те же первородные символы.

— Письменность — штука упрямая. Как только цивилизация достигает определенного уровня развития, язык кристаллизуется в строгую систему и почти перестает меняться. Именно поэтому мы сегодня без труда читаем китайские иероглифы двухвековой давности и способны понять суть надписей, сделанных две тысячи лет назад.

— И это наш главный козырь! Ключ к разгадке тайн Атлантиды. Если мы не научимся читать их тексты, то как перенимем их технологии? Неужели будем и дальше уповать на те редкие крохи информации, что выдают нам их голограммы?

От избытка чувств глаза Роджера лихорадочно заблестели. Казалось, он уже видел перед собой ослепительные перспективы и новые чины:

— Если мы первыми взломаем этот код, Хань, наши имена золотыми буквами впишут в историю науки! Перед нами откроются любые двери!

Хань Цзин тихонько рассмеялся, остужая его пыл:

— Спустись на землю, Роджер. Мы до сих пор не расшифровали со стопроцентной точностью ни единого слова из их языка. Все наши хваленые технологии — это лишь то, что миллионы лет назад заложил в голографическую матрицу Харона тот единственный уцелевший атлант.

— Вот именно! Настоящие боги, — с досадой протянул Роджер. — Даже умерев, они умудрились заблокировать доступ тысячами запретов и фильтров. Выдают нам знания по капле, словно пасту из почти пустого тюбика. Почему они не могли просто снабдить свои голограммы текстовыми пояснениями на родном языке? Нет же, им подавай ментальную связь, передачу мыслеобразов напрямую в мозг! А мы эту технологию до сих пор даже отдаленно воспроизвести не можем.

Роджер заговорщицки подался вперед, заглядывая Хань Цзину в лицо:

— Боюсь, нашего с тобой ума на эту загадку точно не хватит. А вот твоя малышка Кэтрин... О ней ведь ходят легендарные слухи. Говорят, ее уровень интеллекта в несколько раз

превосходит показатели Эйнштейна! Это правда?

Хань Цзин из осторожности решил померить чужие восторги:

— Да ну, глупости. Люди любят преувеличивать. Кэтрин просто способная девочка, не более того. Ее официальный тест показал всего двести восемьдесят баллов.

Роджер шумно выдохнул, едва не поперхнувшись:

— «Всего» двести восемьдесят?! Да у самого Эйнштейна было всего двести шестьдесят! Хань, твоя дочь — буквально надежда человечества. Уверен, именно она в один прекрасный день расшифрует эти проклятые письма Атлантиды.

Хань Цзин лишь промолчал в ответ, пряча понимающую улыбку. Кэтрин как-то призналась ему и Морису, что во время тестирования намеренно допустила несколько глупых ошибок. И даже с учетом этого результат оказался ошеломляющим. О том, каков ее реальный потенциал без этих уловок, Хань Цзин боялся даже думать. К тому же Федеральное правительство явно отнеслось к результатам тестов с подозрением, из-за чего в кулуарах и поползли те самые слухи, о которых упомянул Роджер.

Внезапно сердце Хань Цзина пропустило удар: со стороны командного мостика, нахмурившись, к ним приближался Морис.

Тонкие, безупречно очерченные пальцы генерала с силой опустились на край их стола, привлекая внимание. Взгляд его холодных глаз заставил подчиненных мгновенно подобраться.

Роджер мгновенно прикусил язык. Он порывисто вскочил со стула, вытянулся в струнку и отдал безупречный воинский салют:

— Виноват, господин генерал!

Хань Цзин поднялся следом и тоже приложил руку к козырьку. В отличие от струхнувшего товарища, его голос звучал ровно и спокойно:

— Прошу прощения, господин генерал.

Морис окинул их ледяным взглядом:

— Чтобы это было в последний раз. Готовьтесь к стыковке и ждите команду на высадку.

Понимая, что их пустая болтовня действительно могла задеть супруга, Хань Цзин отбросил

шутливый тон и четко, по-уставному ответил:

— Есть, господин генерал!

Юпитер — самый гигантский и быстро вращающийся мир во всей Солнечной системе. Его объем превосходил земной в тысячу триста шестнадцать раз, а колоссальная масса, обусловленная плотной газовой структурой, превышала массу нашей планеты в триста восемнадцать раз. Даже с расстояния в шесть тысяч километров его величественный силуэт подавлял своими размерами.

Этот газовый гигант всегда оставался уникальным феноменом. Окруженный тонкими кольцами, он нес в своей атмосфере вечные, закрученные против часовой стрелки вихри восходящих потоков. Раньше ученые полагали, что характерный багровый оттенок им придают соединения красного фосфора. Однако космические исследования последних десятилетий доказали: за этот цвет отвечает доселе неизвестная субстанция, которую наука временно окрестила дельта-излучением Большого красного пятна. Именно ее бесконечные скопления порождали этот знаменитый на всю галактику атмосферный шторм.

Само Большое красное пятно оказалось вовсе не плоским атмосферным образованием, каким его представляли астрономы двести лет назад. Этот исполинский вихрь уходил глубоко в недра Юпитера, пронзая его ядро. Из-за сверхмощного радиационного излучения и колоссального магнитного поля человечество не могло исследовать его внутреннюю структуру, однако, по примерным расчетам, в этой воронке легко уместились бы три сотни таких планет, как Земля.

«Белые овалы» представляли собой динамичный пояс, граничащий с Большим красным пятном. Будучи полной противоположностью багрового вихря — словно положительный и отрицательный полюса одной гигантской батареи, — эта зона тем не менее мирно сосуществовала в теле Юпитера. Она состояла из бесчисленных осколков метеоритов. Ослепительное белое свечение рождалось на стыке этих двух областей: чудовищное притяжение гиганта швыряло крайние метеориты прямиком в жерло Красного пятна, где сильнейшие электромагнитные поля мгновенно перемалывали их в космическую пыль, порождая яркие белые вспышки и струящиеся потоки света.

С точки зрения классической земной физики, одновременное существование Большого красного пятна и Белых овалов было абсолютно невозможным. Однако Вселенная в очередной раз доказала свое превосходство над человеческим разумом, мигом опровергнув несколько фундаментальных академических теорий.

Впрочем, рядовому экипажу «Авроры» не было дела до научных парадоксов. Сейчас все взгляды были прикованы к иллюминаторам из кристалла Туаой — люди заворуженно наблюдали, как перед ними разворачивается неопишуемая красота приближающегося Юпитера.

Роджер не раз летал к Харону, и его маршрут неизменно пролегал мимо этой планеты. Он давно привык к подобным пейзажам, а потому оставался равнодушен к зрелищу, лишившему

покоя остальных.

Он дружески похлопал Хань Цзина по плечу:

— Мы скоро пришвартуемся на Базе на Юпитере. Какие планы? Если хочешь, могу показать тебе город. Я знаю здешний Город Гея как свои пять пальцев.

Роджер искренне полагал, что после суровой выволочки от вечно недовольного генерала супругам вряд ли удастся провести время наедине.

Хань Цзин, для которого это было лишь вторым рандеву с великой планетой, с трудом оторвал взгляд от иллюминатора. Он уже собирался принять приглашение друга, как вдруг к ним снова подошел Морис, только что закончивший раздавать указания штабу.

Морис в упор посмотрел на Роджера холодным, предупреждающим взглядом, а затем небрежно бросил Хань Цзину:

— Когда освободишься... не хочешь пройтись со мной?

Хань Цзин на секунду опешил. Морис всегда был загружен делами государственной важности под завязку; во время их прошлого визита на Юпитер им так и не удалось выкроить ни минуты друг для друга.

Быстро сориентировавшись, Хань Цзин постарался сохранить невозмутимый вид перед сослуживцем. Он улыбнулся одними глазами и мягко ответил:

— С удовольствием. Буду ждать твоего звонка.

Город Гея раскинулся на исполинском обломке метеорита площадью около четырехсот тысяч квадратных километров — территория, сопоставимая с площадью Японских островов. Этот каменный исполин дрейфовал в зоне Белых овалов, полностью защищенной от губительных радиационных полей Юпитера.

На высоте четырехсот метров над городом был возведен колоссальный купол из кристалла Туаой, надежно защищавший поселение от ледяного вакуума. Кристалл Туаой оставался величайшей загадкой науки: человечество не встречало его ни на одном из исследованных космических тел, а первые его образцы были подняты с океанского дна, где покоились руины затонувшей Атлантиды.

Город Гея во многом напоминал Базу № 9, парящую в космической пустоте. Сквозь полупрозрачный изумрудный барьер проступали очертания футуристических зданий, выросших прямо на безжизненном метеорите. Здесь функционировала сложнейшая система регенерации кислорода, а на привезенной с Земли почве зеленели настоящие парки. Если не

считать бушующего над головой багрового неба, этот аванпост человечества выглядел как вполне обычный современный мегаполис, разделенный на два крупных административных района.

Первая зона Города Гея представляла собой роскошный туристический кластер, построенный на средства крупнейших международных синдикатов. Там гостей ждали фешенебельные отели, изысканные рестораны и знаменитые обзорные площадки, откуда открывался потрясающий вид на буйство Большого красного пятна. Впрочем, лучшие панорамы предназначались лишь для праздных туристов. Истинная, стратегически важная точка обзора располагалась на территории закрытой военной базы Федерального правительства. От туристического рая ее отделял глубокий метеоритный каньон Кип, надежно охраняемый элитными подразделениями регулярной армии.

«Аврора» совершила посадку именно в военном секторе. У Мориса и здесь оставались неотложные государственные дела, требующие его личного присутствия.

Хань Цзин послушно шел следом за генералом. На посадочной палубе их встречала внушительная делегация, в составе которой выделялись два четырехзвездных генерала из Министерства обороны SCE — непосредственные подчиненные Мориса.

Благодаря особому статусу Хань Цзина, на его скромное звание мало кто обращал внимание. Офицеры наперебой старались завязать с ним разговор, и даже двухзвездные генералы вели себя подчеркнуто дружелюбно и предупредительно. Сам Хань Цзин держался скромно и говорил мало. С одной стороны, он не хотел создавать лишних протокольных сложностей для Мориса, а с другой — в глубине души испытывал легкое смущение от роли «первой леди», вынужденной сопровождать своего высокопоставленного супруга на официальных приемах.

Когда затянувшаяся церемония приветствия наконец завершилась, Хань Цзин почувствовал, что у него буквально свело челюсти от вежливой улыбки. Спустя два бесконечных часа им с Морисом наконец удалось вырваться из плотного кольца встречающих и остаться наедине.

Морис бросил взгляд на наручный коммуникатор и негромко спросил:

— Устал? У нас есть ровно девять часов личного времени.

Хань Цзин закинул руки за голову и с облегчением выдохнул:

— Решить сотню сложнейших уравнений проще, чем выстоять этот прием. Морально выжат до предела. А ты как, Морис?

Морис мягко, понимающе улыбнулся:

— Я к этому давно привык. Хочешь съездить в отель «Синтия»? Помнишь, я говорил, что это

самое живописное место на всем Юпитере? Оттуда открывается вид, какого не сыскать на Земле.

— Хотеть-то хочу, — Хань Цзин покачал головой, вглядываясь в инопланетное небо. — Да только «Синтия» — безумно дорогой закрытый клуб. Даже миллиардеры бронируют там номера за полгода.

Небо над Юпитером завораживало. Даже здесь, в спокойных пределах Белых овалов, мощь Великого шторма ощущалась физически. Цветовая гамма менялась каждую секунду: багряные, алые и розовые всполохи перетекали друг в друга, превращая купол над головой в огромный, переливающийся мыльный пузырь.

Пока Хань Цзин стоял завороженный зрелищем, Морис коснулся экрана коммуникатора. Через пару минут прямо к ним бесшумно подкатил приземистый серый спорткар футуристического дизайна.

Необычный вид машины мгновенно приковал внимание Хань Цзина. Этот внедорожник был спроектирован специально под агрессивную гравитацию Юпитера: по обеим сторонам его днища располагались мощные стабилизирующие гравитационные протекторы.

Дверь спорткара скользнула вверх. Из салона вышел подтянутый офицер и отдал честь:

— Сэр!

Морис небрежно козырнул в ответ:

— Спасибо за службу, генерал-майор Эбени.

Как только подчиненный скрылся из виду, Морис устроился на пассажирском сиденье и, заметив замешательство мужа, негромко позвал:

— Чего застыл? Садись.

— Мы поедем на этом монстре? — Хань Цзин удивленно моргнул.

— Разумеется. Это специальный армейский заказ. Такую игрушку не купит ни один земной олигарх, — Морис хотел улыбнуться, глядя на ребяческий восторг супруга, но внезапный приступ тошноты заставил его осесть. Лицо генерала мгновенно побледнело, и он судорожно прижал ладонь к губам.

Хань Цзин тут же встревоженно склонился к нему через открытую дверцу:

— Опять тошнит?

С трудом подавив спазм, Морис с напускным раздражением посмотрел на мужа:

— Этот ребенок весь в тебя — такой же нетерпеливый. Ни секунды покоя от него нет.

Хань Цзин осторожно скользнул в салон, прижался к его прохладной щеке и ласково зашептал, успокаивая:

— Ну-ну, не сердись, солнце. Моя вина, только моя...

Он бережно погладил Мориса по спине, помогая справиться с дурнотой.

Морис смущенно отвернулся, кончики его ушей залила нежная краска.

— Прекрати, — прошептал он, пытаясь вернуть суровый вид. — Нас могут увидеть.

Отодвинувшись от обжигающего дыхания мужа, от которого по телу пробежали приятные мурашки, он плотнее вжался в кресло второго пилота.

Хань Цзин с готовностью устроился на водительском месте. Сжав футуристический электронный штурвал, он почувствовал себя мальчишкой, получившим самую желанную игрушку.

— Мне правда разрешено ей управлять? — он с легким сомнением посмотрел на своего непосредственного главнокомандующего.

— Формально это нарушение регламента, но один раз можно, — глядя на сияющее лицо мужа, Морис не смог сдержать мягкой улыбки. Генерал всегда отличался строгим соблюдением правил, но, зная страсть Хань Цзина к сложной технике, ради этой поездки лично подал прошение в штаб Федерации на выделение спецтранспорта.

— Только поезжай помедленнее, — тихо добавил Морис. — От резких маневров меня снова вывернет.

Хань Цзин вывел на лобовое стекло навигационную карту. Дорожная сеть аванпоста оказалась предельно простой: миновав охраняемый военизированный каньон Кип, они попадали в курортную зону, где дорога раздваивалась латинской буквой «V».

— Куда держим путь? — поинтересовался он, запуская двигатель.

— В отель «Синтия».

— В «Синтию»?! — Хань Цзин изумленно обернулся к нему.

Морис ласково улыбнулся:

— Неужели забыл? Когда мы поженились, я носил Кэтрин, и у нас так и не случилось медового месяца. Я знаю, как тяжело тебе тогда приходилось под грузом общественного мнения, да и твои родители не скрывали недовольства.

— Ты никогда не жаловался, но я все видел и чувствовал. Еще тогда я пообещал себе, что после родов мы обязательно выберемся в «Синтию» на Юпитере и устроим наше свадебное путешествие.

— Прости, что все так затянулось. Служба отнимала слишком много сил и времени, — Морис вздохнул, его брови слегка сошлись у переносицы при мысли о том, что у них в запасе всего девять часов. — Эта поездка тоже выходит сумбурной...

На самом деле он тщательно планировал этот день. Бронь была оформлена давно, но бесконечные дела вынуждали раз за разом переносить отпуск. И лишь теперь, воспользовавшись экспедицией к Харону, он задействовал все влияние могущественного клана Норманов, чтобы буквально выбить лучший люкс в отеле.

— Ты в одном неправ, — внезапно посерьезнел Хань Цзин.

Заметив, как в глубине сапфировых глаз мужа промелькнула тень тревоги, Хань Цзин резко подался вперед и, невзирая на то, что они находились на территории охраняемой базы, крепко поцеловал его в губы. Морис растерялся от такой дерзости, но быстро сдался под натиском ласки. Его тело отозвалось томительным жаром, а нежный шепот у самого уха заставил сердце биться чаще:

— Не «Синтия» прекрасна сама по себе. Она прекрасна лишь потому, что ты рядом со мной.

— Пока ты со мной, Морис, любой день и самый банальный пейзаж становятся для меня раем на земле.

Пальцы Мориса судорожно вцепились в белоснежные шелковые простыни роскошного люкса в «Синтии». Вновь и вновь они растворялись друг в друге, сгорая в лихорадочном пламени страсти. Порочное, обжигающее удовольствие затапливало сознание, подобно бесконечному шепоту признаний, которые невозможно было прервать или разлюбить.

Вдали от сковывающих стен «Авроры» их чувства вырвались на волю с неистовой силой, граничащей с безумием. Переплетенные тела, сжатые пальцы — казалось, они двигались в

едином порыве, стремясь обмануть неумолимое время и навсегда удержать эти мгновения абсолютного блаженства.

После череды изнурительных, сладких судорог обессиленный Морис припал к груди Хань Цзина.

— Хватит... — из последних сил прошептал он, утомленно покачав головой. Все его тело налилось свинцовой тяжестью. — Больше нельзя... Если мы продолжим, я просто не смогу стоять на ногах на мостике «Авроры». Как мне потом смотреть в глаза подчиненным?

— Как скажешь. Давай я отнесу тебя в ванну? — Хань Цзин ласково убрал влажную золотистую прядь с его лба и запечатлел поцелуй на плече мужа. На нежной, гладкой, как шелк, коже Мориса еще играл розоватый румянец ушедшего экстаза. За эти годы его тело ничуть не изменилось, оставаясь безупречным воплощением идеальной генетики.

Морис теснее прижался к Хань Цзину, упиваясь его теплом и чувствуя себя в полной безопасности. Его полусонный взор скользнул к огромному панорамному окну.

За стеклом раскинулось величественное зрелище Юпитера во всей своей первозданной красе. Тысячи багровых и алых вихрей бушевали в вышине, сталкиваясь со слепящими всполохами Белых овалов. Преломляясь сквозь купол, этот свет рождал фантастические радужные переливы, напоминавшие небесные чертоги. Глядя на эту космическую симфонию, можно было напроць позабыть о любых тревогах земной жизни.

Однако Морис, будучи боевым генералом, прекрасно понимал, какая чудовищная мощь скрывается за этой неопишуемой красотой. Именно эти радиационные штормы и гравитационные аномалии, способные в долю секунды стереть Землю с лица Вселенной сотни раз подряд, создавали столь чарующий пейзаж.

— В самом центре этого шторма по-прежнему бушуют смертоносные поля, — негромко заговорил Морис, всматриваясь в багровую бездну, и его брови вновь сошлись у переносицы. — Но поразительно другое: датчики зафиксировали в глубине три исполинские тени размером с Луну. Никто не знает, что это такое. Но Кэтрин уверяет, будто это настоящие спутники... Три луны, скрытые в недрах Большого красного пятна! И они вращаются против часовой стрелки под воздействием аномалии Эусаско.

— Это всего лишь детские фантазии, родной, не принимай их близко к сердцу, — попытался успокоить его Хань Цзин, хотя его собственный голос прозвучал на удивление глухо и неуверенно. Он испытывал точно такую же тревогу.

— Нет, ты многого не знаешь, — Морис рывком сел в постели, его взгляд мгновенно утратил прежнюю сонливость, став жестким и цепким. — Ты не слышал всего, что она рассказала...

— Наша дочь утверждает, что аномалия Эусаско не имеет естественного происхождения. Это

искусственная сила, созданная для выработки энергии.

— «Обеспечить энергией?» Но кому может понадобиться столь чудовищный источник силы? В тот момент у меня буквально сердце сжалось от ужаса.

— Я пытался расспросить ее подробнее, но Кэтрин путается в словах. Похоже, то таинственное нечто, что делится с ней видениями, скрывает от нее эту правду.

— Как думаешь... возможно ли, что наша дочь унаследовала генетическую память атлантов?

— Ведь если это правда, то вся история нашей Солнечной системы и все научные догмы, в которые человечество верило тысячелетиями, будут полностью разрушены.

— Это просто безумие, — тихо прошептал Морис, устремив взгляд на величественное буйство Большого красного пятна.

<http://bllate.org/book/19677/2006491>